

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.6966>Дата подачи статьи: 30 мая 2021 г.
Дата принятия к печати: 16 июня 2021 г.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОЗЫ (С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ)

Ирина Алексеева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3561-7145>

e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Аннотация: При переводе художественного текста прежних времен приходится прибегать к своеобразной имитации удаленности текста во времени, который называют архаизацией, или темпоральной стилизацией. Основы современных представлений о темпоральной стилизации были заложены А.В. Федоровым и развивались в дальнейшем рядом ученых, однако изучение архаизации как переводческой стратегии началось лишь в последние годы. В статье рассматриваются функции темпоральной стилизации: перенос читателя в другую эпоху; усиление эффекта фикциональной игры; передача через текст чувства культурной динамики; отражение компонентов стиля определенного жанра, включающего архаичные черты. В качестве материала исследования взяты тексты из переводческого опыта автора: проза эпохи романтизма XIX в. (Тик, Гофман), народная австрийская сказка, личное письмо XVIII в. (письма В.-А. Моцарта), и ресурсы передачи колорита эпохи выявляются прецедентным путем. Автор делится некоторыми соображениями о возможности самооценки в переводе и выявляет в качестве гипотезы зависимость между типом темпоральной стилизации и типом текста. Темпоральная архаизация рассматривается как комплекс типологических признаков текста, конвенций текста, стилевых регистров и состояния языковой нормы. Исследование открывает широкие перспективы разработки макро- и микростратегий художественного перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, темпоральная стилизация, микро- и макростратегии перевода, литературная норма русского языка, разноуровневая компенсация

Submitted on May 30, 2021

Accepted on June 16, 2021

TEMPORAL STYLIZATION IN TRANSLATING GERMAN PROSE INTO RUSSIAN

Irina Alekseeva

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3561-7145>

e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Abstract: When translating a literary text from a more or less remote past, a translator has to resort to some kind of imitation of the past text features, which is traditionally called archaization or temporal stylization. The fundamentals of temporal stylization were outlined in A. Fedorov's works and later developed by a number of scholars, yet the research into archaization as a translation strategy has started only recently. The article looks into the functions of temporal stylization, such as transferring the reader into a distant epoch; increasing the effect of the fictional play; rendering the cultural dynamics through the text, reflecting the text's various generic qualities, including the archaic ones. The illustrative examples come from the author's own translation work: 19th century Romantic prose (T. Hoffman, L. Tieck), Austrian folk tales, private correspondence (W.A. Mozart's letters), suggesting that the repertoire of the expressive means to render the historic colouring was found out through precedents. The author lays out her ideas about the possibility of self-evaluation in translation and puts forward the hypothesis that the type of temporal stylization depends on the type of the text. Temporal archaization is understood as a complex of typological text features and conventions, style registers and variations of the language norm. The research opens up a field for developing micro and macro strategies for literary translation.

Keywords: literary translation, temporal stylization, micro and macro strategies of translation, Russian literary norm, compensation on different levels

Введение

Тексты художественной литературы живут долго. Постепенно устаревает язык, которым они написаны, а читателю произведения приходится наводить справки о редких словах и оборотах речи, воспринимать непривычный синтаксис и порядок слов. Такой текст может воспроизводиться при переводе в рамках разных стратегий.

В истории перевода на протяжении нескольких десятилетий XX века переводчики спорили о том, надо ли передавать архаичные черты текста или читатель должен чувствовать себя современником автора, и язык произведения в переводе должен быть модернизирован. Современная техника перевода модернизации текста фактически не признает, основываясь на простой логике равенства впечатлений: восприятие произведения современным читателем подлинника должно быть аналогично восприятию произведения современным читателем перевода. Судя по результатам перевода, большинство современных переводчиков считает, что перевод должен нести на себе отпечаток тех далеких времен, когда текст был написан. Однако отпечаток не означает полного тождества. Речь не идет о филологически достоверной копии языка перевода на тот момент времени, когда был написан оригинал. Иначе текст перевода наполнится избыточной информацией о состоянии языка оригинала в то давнее время. Современный перевод дает читателю информацию о том, что текст не современен, и с помощью особых приемов старается показать, насколько он древен. В создании временного колорита участвует и содержание произведения, и его форма. Структуры содержания переводчик не касается, а вот форма целиком в его власти.

Дальнейшее исследование посвящено анализу условий формирования разных стратегий архаизации текста при переводе и ставит перед собой задачу систематизации представлений о темпоральной стилизации при переводе прозы.

Теория и практика архаизации текста при переводе: обзор литературы

Проблема темпоральной стилизации начинает предметно обсуждаться в ракурсе перевода только во второй половине XX века. А.В. Федоров в своем основополагающем труде *Основы общей теории перевода* [Фёдоров 1968] впервые выделяет особый раздел в главе шестой: «Черты подлинника, связанные со временем его создания, и задачи перевода». А.В. Федоров проводит разграничение между отражением отпечатков времени в научных и в художественных текстах, и в ходе рассуждений склоняется к стратегии осовременивания, модернизации, отмечая, что всякий текст прошлых эпох «для читателя своей эпохи тоже был современным», а цель – «ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания ... тоже был современным» ... «предполагает в основном

использование современного языка в переводе» [Фёдоров 1968, 359]. Подобную точку зрения отстаивает и Иржи Левый, говоря о нейтральности языка *Дон Кихота* Сервантеса для времени его создания [Левый 1974, 128] и делает вывод, что в таком случае «логично и переводить его в целом неокрашенным чистым родным языком».

Базируясь на широком арсенале лучших образцов перевода XX века, Фёдоров также отмечает недостаточность пассивной тактики отказа от модернизмов [см: Фёдоров 1968, 362] и в качестве оптимальной стратегии при передаче литературы прошлого выдвигает «воспроизведение не реального возраста языковых средств, используемых автором, а их стилистической роли» [там же, 363]. Обозначив свою точку зрения, автор системно перечисляет весь арсенал стилистических тенденций, применяемых при переводе отдаленных по времени произведений: использование архаизирующих средств языка; мотивированная и немотивированная модернизация; нейтрализация исторического колорита; сочетание разных тенденций. Фёдоров отдельно описывает случаи намеренной архаизации подлинника для описания отдаленных эпох [там же, 369–370].

Именно это разграничение положили в основу своей классификации исторических реалий С. Влахов и С. Флорин [Влахов, Флорин 1980, 133], предлагая различать архаические и архаизованные произведения, и, развивая соображения Фёдорова, они делят исторические реалии в тексте на непреднамеренно и преднамеренно употребленные, и возможность их сочетания в рамках одного произведения [там же, 136]. Говоря о разных функциях таких реалий, авторы указывают на различные способы их передачи: транскрипция, устаревшая лексика ПЯ, диалектизмы, заимствования из третьих языков, семантические неологизмы. Отметим, что все упомянутые до сих пор авторы видят в качестве средств архаизации только лексические способы; архаичные синтаксические и текстовые средства не упоминаются [там же, 140].

Сведения о темпоральной стилизации обнаруживаются также при знакомстве с работами по истории перевода, в частности – по истории перевода в России. Согласно наблюдению М.Ю. Кореновой, переводы Фонвизина, Елагина и др. в конце XVIII века отличались «подчеркнуто славянизированным архаичным стилем» [Коренева 2000, 23], поскольку переводчики ориентировались не на язык оригинала, а «на стилистику жанра в его русской интерпретации», т.е. доминировало «классицистическое жанровое мышление» [там же]. При этом церковнославянизмы одновременно могли быть и свидетельством «пиететности» по отношению к подлиннику и к европейской культуре, и символом «национального» [там же, 24].

Научная литература, обсуждающая темпоральную стилизацию, редко оперирует переводами авторов этих исследований, предпочитая, как правило, чужие готовые переводы, однако практически всегда авторами выступают практикующие переводчики (А.В. Федоров, М.Ю. Коренева и др.), и они добавляют к анализу материала суждения из собственного опыта.

Традиция саморефлексии особым образом преломляется в коллективной монографии практикующих переводчиков художественной литературы, изданной в Гёттингене в 2008 г. под редакцией Г. Лойпольд и К. Раабе *Танцы в цепях [In Ketten tanzen 2008]*, где во главу угла ставится сквозная метафора подобия художественного перевода музыкальному исполнению, и, в частности, указывается на два противоположных пути исполнения: это, во-первых, путь соответствия современному уровню техники исполнения и, во-вторых, путь исторической реконструкции» [там же, 21].

Среди масштабных научных публикаций последнего времени темпоральная стилизация наиболее системно представлена в монографии Е.М. Масленниковой *Художественный перевод: новое о старом* [Масленникова 2014]. Автор обозначает архаизацию текста при переводе как одну из стратегий, посвящая ей небольшую главу [там же, 189–193]. Наряду с архаизацией с целью «указания на историческую перспективу», Масленникова приводит примеры использования архаизации с функцией «придания тексту торжественности» [там же, 191]. Там же приведена культурологическая точка зрения на причину архаизации текстов, которую, как отмечает Масленникова, Ч.К.О. Ламажаа, Е.А. Ревуцкая и Л.А.Штомпель, О.М. Штомпель видят в «образовавшемся культурном вакууме и ходе социальных процессов» [там же, 193]. Подвергая избыточную архаизацию критике, автор в сущности подает ее как факультативный стилистический прием.

Основная часть: Ресурсы темпоральной стилизации в прецедентном и системном аспектах

Оставляя в стороне использование архаичного стиля с целью сообщения высказыванию торжественности, а также некоторые другие функции архаизации, не связанные с прямой передачей хронотопа, обратимся к темпоральной стилизации непосредственно. В качестве материала используем, помимо представленного в секундарной литературе, упомянутой выше, максимально разнородные переводы, при выполнении которых автору данного исследования пришлось применять приемы, описанные А.В. Фёдоровым

и др.: ранний и поздний немецкий романтизм, народная австрийская сказка, письма В.-А. Моцарта XVIII века, и попробуем выявить ресурсы и возможности передачи эпохи создания этих текстов прецедентным путем. Такая методология позволит оценить современную реализацию разработанного А.В. Фёдоровым и его последователями системно-сопоставительного подхода в спектре применяемых стратегий художественного перевода.

Вне зависимости от конкретного автора, темпоральная стилизация, как нам представляется, выполняет ряд общих функций:

- переносит нас в другую эпоху;
- усиливает эффект фикциональной игры (создает дистанцию и тем самым подчеркивает, что все понарошку);
- сообщает читателю чувство культурной динамики;
- может отражать компоненты стиля определенного жанра, включающего архаичные черты (народная сказка).

Рассмотрим специфику размещения всех этих черт в ткани текста на примере перевода сказок в сборнике: *Таннен-Э – город под вечными льдами. Легенды Австрии* (1999). О древности этих некогда устных текстов свидетельствуют следующие черты: сказовый порядок слов (глагол на первом месте в предложении: «Жили-были старик со старухой»); наличие архаичного просторечия в лексике (*видать*); древнее совмещение времен глагола (*подошел и говорит* – смесь прош. вр. и наст. вр.); древние способы предикации (*долго ли коротко ли* вместо *прошло немного времени*) и т. п. Отражаются ли эти черты в переводе? Да, но их частотность несколько снижается.

Например, с помощью сказового порядка слов в подлиннике оформлена примерно каждая 10-я фраза. В переводе – реже, что позволяет говорить об ослабленной стилизации:

«Собрали они тогда все свои награбленные сокровища, покинули замок Оберкарпфенберг и с несколькими верными подданными укрылись в неприступных ущельях...» [*Сокровища Штубенбергеров в пещере Шекль*, 177]; «И встретила ему женщина в белоснежном одеянии...» [*Змеиная корона*, 185].

Архаичный прямой порядок слов в придаточном определительном в народной сказке встречается регулярно (сейчас в немецком языке – только обратный!) – около 1 случая на 1 страницу. В русском эта архаичная особенность может быть передана только компенсацией: «Много веков назад в замке Оберкарпфенберг, **что** в Мюрцтале...[там же]. Здесь компенсация осуществлялась с помощью архаичного русского определительно-притяжательного оборота.

Архаичное просторечие – на лексическом и синтаксическом уровнях (передается легко, в этом немецкая и русская сказки аналогичны): «И нищих вдруг объявилось – пруд пруди, каждый норовит праздничком поживиться, и вроде бы с пустой сумой никто не ушел» [*Почеширло*, 35]. Помимо сплошь просторечной лексики, которая, на наш взгляд, в русской сказке представлена шире – впрочем, никто не считал – мы видим также уже упомянутое древнее совмещение времен: объявилось – норовит – не ушел. Оно также отражает подлинник.

Отметим также архаичное просторечие и его сохранение в прямой речи, где встречается и просторечный диминутив: «И оттого мне, старому **бедолаге**, даже светлый **праздничек** со всем **честным народом** отпраздновать не на что» [там же] При этом архаичное просторечие относится к системным признакам, которые при переводе передаются на уровне текста с сохранением пропорции, и не обязательно в том же месте, где оно встретилось в подлиннике.

Та же стратегия применяется при воспроизведении историзмов, где отчетливо просматривается сочетание перевода с помощью лексических соответствий – со стилизацией на уровне всего текста: «отдали обоих **под стражу**» [*Агнес фон Пфаннберг*, 188; дело происходит в 13 веке]; «Да хранят господа фон Штубенберг **сей** свиток и ключи как зеницу ока, и даровано им будет за это большое счастье» [*Сокровища Штубенбергеров в пещере Шекль*, 180; текст на древнем пергаментном свитке).

Специфика романтического текста начала XIX века предполагает иное место архаизмов и иную их функциональную палитру. Стремление романтиков освободиться от классицистической однородности стиля, от ориентации языка на правила и ритуалы имеет своим следствием стилиевой динамизм, когда стилиевые регистры колеблются в диапазоне от архаичного просторечия до поэтической возвышенной архаики, свойственной прежде только поэзии. Если же говорить о раннем периоде, то экзотическая удаленность действия от современности в раннем немецком романтизме – это удаленность в Средние века; ее маркируют сильно устаревшие формы слов. Ярким примером стилиевого динамизма является новелла Людвига Тика *Руненберг*, где сказовый порядок слов и архаичное просторечие перемежаются с поэтической книжной речью. В последующем фрагменте перевода отмечены лишь опорные слова:

Сидел однажды некий молодой охотник в самой глубине гор у расставленных птичьих силков, погруженный в глубокое раздумье, а в тишине его одиночества

раздавался шум вод и леса. **Размышлял он** о своей судьбе, о том, как покинул в свои **младые** годы и отца, и **матушку**, и край свой родной, и всех друзей из своей деревни в поисках **мест незнакомых**, ибо хотел он удалиться из круга однообразной обыденности, и теперь с удивлением обнаружил, что сидит здесь, среди гор. Высокие облака проплывали по небу и исчезали за горами. **Пели** в кустах птицы, и эхо отвечало им (с. 11).

Обливаясь слезами, преклонил он колена, когда священник произнес наконец слова **благословения**, и чувствуя, как **при звуке этих слов некая невидимая сила пронизывает все его существо, а смутные картины минувшей ночи, подобно призракам, улетают прочь** (с. 20).

Смесь устных черт, сходных с народной сказкой, и возвышенного слога уровня классицистической трагедии вполне воспроизводима в переводе с сохранением того же числа стилистически окрашенных компонентов, как и резкое повышение стиля с увеличением числа метафор высокого стиля, как во втором примере. И вместе с тем – на практике это стратегия передачи стилистических особенностей на уровне всего текста, включая средства разноуровневой компенсации: например, в подлиннике нет грамматических средств высокого стиля, а в переводе используется форма высокого стиля **колена** вместо нейтральной формы **колени**.

Новелла Э.-Т.-А. Гофмана *Дождь и догаресса* относится по стилю скорее к произведениям исторического реализма, когда о событиях далекого прошлого повествуется языком прозы XIX века, то есть – современным. Архаизация в таком случае применяется, но не в стиле XIV века, о котором повествуется в фавуле рассказа, а в стиле языка литературы середины XIX века:

Умерьте ваше любопытство, господа, запаситесь терпением, и я готов немедля поведать вам историю Фальери, которая и есть ключ к разгадке этого полотна. Но скажите сразу, достанет ли у вас терпения? Рассказ мой будет очень обстоятельным, ибо я не в силах иначе говорить о событиях, столь живо встающих перед моим внутренним взором, словно я видел все это собственными глазами. Впрочем, так оно и есть, ведь всякий историк – а ваш покорный слуга, господа, таковым и является, – итак, всякий историк – что-то вроде призрака, устами которого вещает прошлое (с. 374).

Четвертую стратегию архаизации проиллюстрируем на эпистолярном жанре – переводах личных писем композитора В.-А. Моцарта, написанных во 2-й половине XVIII века. При выработке макростратегии перевода таких текстов необходимо учитывать следующие их особенности:

– язык писем – донормативный;

- в отличие от делового письма, нет правил оформления;
- важную роль играют неписанные правила галантности.

Учет всего этого комплекса как конвенций, а не просто архаизация языка, и составляет темпоральную стилизацию, отражающую не только хронотоп, но и индивидуальный стиль автора:

Наилюбимейшая, Наипревосходнейшая и Наипрекраснейшая,
 Позолоченная, Посеребренная и Посахаренная
 Дражайшая и Драгоценнейшая
 Милостивая Госпожа
 Баронесса!

Имею Честь послать Вашей Милости известное Вам рондо, вкупе с 2 отрывками из комедий и томиком рассказов. Вчера мне привалила большая удача! – У меня все время было такое чувство, будто я непременно должен еще что-то сказать, но в мой глупый череп ничего не приходило! А должен-то я был благодарить Вашу Милость за то, что Вы не замедлили приложить столь много усилий ради моего красивого фрака – и за Милость пообещать мне таковой! ... Я могу смело утверждать, что я есть одновременно и самый счастливый, и самый несчастный человек! Несчастлив я с того самого момента, как увидел Вашу Милость на балу с такой красивой прической! – Ибо – я утратил весь свой покой! – Вся моя жизнь – одни вздохи да стенания! А все остальное время, что я был на балу, я не мог танцевать – а только прыгал, суп был уже заказан – но я не ел – я жрал, всю ночь напролет, вместо того, чтобы спокойно и сладко подремывать, я спал, как крыса и храпел, как медведь (...) (N 697. Моцарт – Марте Элизабет, Баронессе фон Вальдштеттен в Вену).

Особую роль в создании архаичного эпистолярного колорита играет обилие галлицизмов в светском языке XVIII века. Галлицизмы Моцарта как грамматическая забава и часть галантного стиля (*obligiren, tourniren, accomodiren, arrangiren, pardoniren, permettiren, complimentiren, veneriren, klystiren, fermiren*) могут передаваться с помощью создания неологизмов по комплексной калькирующей модели:

Мартин Живодеришка, который считает, что многим мне обязан, горит желанием обедом меня **накормировать**; вчера я понадеялся, что все это можно иначе **турнировать** и согласно моим желаниям **аккомодировать**; но это оказалось невозможно, ибо Живодеришка уже все заказал и **аранжировал**, и теперь ему пришлось бы понапрасну потратиться. Засим и в связи с этим Ваша милость должна меня **пardonировать**, и если Ваша Милость согласна **перметтировать**, то в ближайший вторник мы вдвоем будем иметь Честь этих двух вышеозначенных высоких особ **комплиментировать** и **венерировать**, и фр-н фон Ауэрхаммер **кlistировать**, если она свою комнату не будет как следует **фермировать** (...) (Письмо N 696. Моцарт – Марте Элизабет, Баронессе фон Вальдштеттен в Вену).

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Проведенное исследование темпоральной стилизации на трех разнородных примерах позволяет вплотную приблизиться к выработке оптимальной стратегии передачи темпоральной привязки подлинника при его переводе.

Темпоральная архаизация выглядит как комплекс:

- 1) типологические признаки текста;
- 2) конвенции текста;
- 3) стилевые регистры;
- 4) состояние языковой нормы

Как выяснилось в ходе анализа, перечисленные выше доминанты перевода могут служить свидетельством древности текста. Специфика синтаксических структур, особенности тропов, характер повторов – все это имеет конкретную привязку к эпохе. Но названные особенности передают время лишь опосредованно, ведь в первую очередь они связаны с особенностями литературных традиций того времени, с литературным направлением и жанровой принадлежностью. Напрямую же время отражено не в фигурах стиля, а в языковых исторических особенностях текста: лексических, морфологических и синтаксических архаизмах. Ими и пользуются переводчики, чтобы создать архаичную стилизацию. Стилизация – это не полное уподобление языка перевода языку прошедшей эпохи, а лишь маркировка текста с помощью архаизмов.

Первое обязательное условие создания временной дистанции – отсутствие в лексике перевода модернизмов, слов, которые не могли употребляться в то время, когда создавался подлинник. Далее «густота» архаизации зависит от времени создания подлинника.

Для стилизации языка XIX века достаточно при переводе всякий раз стараться избирать наиболее устаревшее из возможных вариантных соответствий: «миновал», а не «прошел»; «превосходный», а не «отличный»; «неведение», а не «незнание». К устаревшим явлениям в области синтаксиса, типичным для XIX века, относятся в первую очередь инверсии, представляющие собой незначительные отклонения от современного узуса («Так изволь его в Питер отправить через три дня (...)» – современный вариант был бы: «Так изволь отправить его в Питер через три дня»).

Колорит XVIII века может быть передан теми архаизмами, которые в XIX веке уже мало употреблялись в прозе, но вошли в число поэтизмов: «сия», «далече», «длань», «оный». Синтаксические инверсии более заметны: это постпозиция прилагательного («поучения отеческие», «языка

греческого)), конечная позиция модального слова в предложении («Посему легко рассудить можно») и др. Проблема увеличения дистанции может быть решена путем увеличения числа архаизмов в тексте.

Таким образом, стратегия перевода каждого литературного текста требует индивидуального подхода, и впереди нас ждет еще много открытий при изучении мастерства переводчиков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Ирина Сергеевна. 2010. *Введение в переводоведение*. Москва–Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Влахов Сергей, Флорин Сидер. 1980. *Непереводимое в переводе: учебное пособие*. Москва: Международные отношения.
- Гофман Эрнст Теодор Амадей. 1990. *Новеллы*. Ленинград: Лениздат.
- Коренева Мария Юрьевна. 2000. *История русской переводной литературы сквозь призму развития русского литературного языка*. В: *RES TRADUCTORICA. Перевод и сравнительное изучение литератур*. Санкт-Петербург: «Наука»: 11–38.
- Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна. 2010. *Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм*. «Знание. Понимание. Умение» № 2: 88–93.
- Левый Иржи. 1974. *Искусство перевода*. Москва: «Прогресс».
- Масленникова Евгения Михайловна. 2014. *Художественный перевод: новое о старом: Монография*. Тверь: Тверской государственный университет.
- Моцарт Вольфганг Амадей. 2007. *Полное собрание писем*. Москва: Международные отношения.
- Ревуцкая Елена Альфонсовна. 2013. *Архаизация в российском социокультурном процессе*. «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» № 4–2(30): 150–153.
- Сказки немецких писателей*. 1989. Сост. составитель Славинская А.К. Ленинград: Лениздат.
- Таннен-Э – город под вечными льдами. Легенды Австрии*. 1999. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».
- Фёдоров Андрей Венедиктович. 1968. *Основы общей теории перевода*. Москва: «Высшая школа».
- Штомпель Людмила Александровна, Штомпель Олег Михайлович. 2010. *Архаизация современной культуры: необходимость или случайность?* «Ценности и смыслы» № 1: 34–42.
- In Ketten tanzen. Übersetzen als interpretierende Kunst*. 2008. Herausgegeben von Leupold G., Raabe K. Wallstein: Verlag.

REFERENCES

- Alekseeva Irina Sergeevna. 2010. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to Translation Studies]. Moscow, St. Petersburg, Filologičeskij fakul'tet SPBGU. (In Russian)
- Fëdorov Andrej Venediktovič. 1968. *Osnovy obšej teorii perevoda* [Fundamentals of General Translation Theory]. Moscow, Vysšaa škola. (In Russian)
- Gofman Èrnst Teodor Amadej. 1990. *Novelly* [Novels]. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

- In Ketten tanzen. Übersetzen als interpretierende Kunst*. 2008. Eds Leupold G., Raabe K. Wallstein, Verlag. (In German)
- Koreneva Mariâ Ū'evna. 2000. *Istoriâ russoj perevodnoj literatury skvoz' prizmu razvitiâ russkogo literaturnogo âzyka* [The history of Russian translated literature through the prism of the development of the Russian literary language]. In: *RES TRADUCTORICA. Perevod i sravnitel'noe izučenie literatur* [RES TRADUCTORICA. Translation and comparative study of literatures]. St. Petersburg, Nauka, pp. 11–38. (In Russian)
- Lamažaa Čimiza Kuder-oolovna. 2010. *Arhaizaciâ, tradicionalizm i neotradicionalizm* [Archaization, traditionalism and neo-traditionalism]. “Znanie. Ponimanie. Umenie” no 2, pp. 88–93. (In Russian)
- Levyj Irži. 1974. *Iskusstvo perevoda* [The art of translation]. Moscow, Progress. (In Russian)
- Maslennikova Evgeniâ Mihajlovna. 2014. *Hudožestvennyj perevod: novoe o starom: monografiâ* [Literary Translation: New About Old: Monograph]. Tver, Tverskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russian)
- Mocart Vol'fgang Amadej. 2007. *Polnoe sobranie pisem* [Complete collection of letters]. Moscow, Meždunarodnye otnošeníâ. (In Russian)
- Revuckaâ Elena Al'fonsovna. 2013. *Arhaizaciâ v rossijskom sociokul'turnom processe* [Archaization in the Russian sociocultural process]. “Istoričeskie, filosofskie, političeskie i ūridičeskie nauki, kul'turologiâ i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktyki” no 4–2(30), pp. 150–153. (In Russian)
- Skazki nemeckih pisatelej* [Tales of German writers]. 1989. Ed. Slavinskaâ A.K. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)
- Štompel' Lŭdmila Aleksandrovna, Štompel' Oleg Mihajlovič. 2010. *Arhaizaciâ sovremennoj kul'tury: neobhodimost' ili slučajnost'?* [Archaization of Contemporary Culture: Necessity or Accident?]. “Cennosti i smysly” no 1, pp. 34–42. (In Russian)
- Tannen-Ė – gorod pod večnymi l'dami. Legendy Avstrii* [Tannen-E is a city under eternal ice. Legends of Austria]. 1999. St. Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr “Blic”. (In Russian)
- Vlahov Sergej, Florin Sider. 1980. *Neperevodimoe v perevode: učebnoe posobie* [Untranslated in Translation: A Study Guide]. Moscow, Meždunarodnye otnošeníâ. (In Russian)